

Содержание

Предисловие	9
Глава 1 Молодой революционер.....	11
Глава 2 Революция 1905 г.	41
Глава 3 Независимый марксист	78
Глава 4 Революция 1917 г.	113
Глава 5 Не у власти	178
Глава 6 В изгнании.....	201
Эпилог	259
Пояснение к источникам	268
Благодарности.....	273
Предметно-именной указатель.....	275

*Ничто великое в истории
не совершалось без фанатизма.*

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

Предисловие

Лев Троцкий не исчезает из нашей исторической памяти. Выдающийся революционный деятель и искусный писатель, Троцкий был движущей силой потрясений, которые в значительной степени определили политические контуры XX в. Еще в юности он погрузился в деятельность антициаристского подполья и с тех пор ни разу не изменял делу революции. Он вел организационную работу, писал и распространял воззвания и статьи, был сослан в Сибирь, бросил свою первую жену и дочерей — и все это ради борьбы с глубоко консервативной монархией. Но, реализовав свою мечту и став, вопреки всем препятствиям и прогнозам, одним из руководителей победившей революции, он усвоил те же самые методы, к которым прибегал преследовавший его режим.

В отличие от некоторых других биографов Троцкого, прежде всего от Исаака Дойчера, я изучал его жизнь не как поклонник или последователь. В то же время я не стремился бичевать его за личные недостатки — реальные или мнимые, — что, как мне кажется, было задачей недавно вышедшей биографии Роберта Сервиса. Осознавая

мужество, проявленное Троцким позднее в его противостоянии со Сталиным, и глубокие страдания, выпавшие на долю его самого и его семьи, я не был очарован тем революционным порывом, с которым он боролся с Временным правительством в 1917 г. и бросил Сталину вызов из изгнания, где возобновил усилия по свержению диктатора. Троцкий прекрасно понимал, что Сталин занят созданием режима, при котором социализм служит лишь вывеской, скрывающей его подлинные бесчеловечные намерения. Троцкий осознавал и опасность, порожденную двусмысленной реакцией Сталина на возвышение Гитлера, когда Кремль не стал настаивать на сотрудничестве Коммунистической партии Германии с немецкими социал-демократами в противостоянии нацистам. Он был одним из первых, кто смог предвидеть катастрофические последствия гитлеровского триумфа для таких же, как он, европейских евреев, а также то, что Сталин пойдет на соглашение с Гитлером в случае, если попытки переговоров СССР с западными демократиями закончатся неудачей. Но он так и не признал, что на нем, как и на Ленине, лежит ответственность за то пренебрежение демократическими ценностями, которое вскоре будет использовано Сталиным в его собственных зловещих целях. Троцкий настаивал, что они с Лениным хотели установить диктатуру другого типа.

История полна подобных трагических героев. Они мечтают о справедливости, а затем сеют разрушение и хаос.

ГЛАВА 1

Молодой революционер

Мир навсегда запомнит его как Льва Троцкого, но при рождении его звали Лев Давидович Бронштейн. Он родился 26 октября 1879 г. На юге Украины, неподалеку от города Херсона. У его родителей, Давида и Анны Бронштейн, было восемь детей. Лев был их пятым ребенком и третьим по возрасту из тех, кто выжил; четверо других умерли во младенчестве от дифтерита и скарлатины. Бронштейны не были типичными российскими евреями. В отличие от большей части пятимиллионного еврейского населения, которая под властью царя была вынуждена жить в черте оседлости — на территории, включавшей значительную часть современных Белоруссии и Украины, — родители Льва жили на хуторе, рядом с землей, которую отец Давида начал обрабатывать в 1850-е гг., после того как уехал из Полтавы в одно из поселений европейских колонистов, созданных указом царя Александра I в первые десятилетия XIX в. Большинство российских евреев обитали в небольших городках, на задворках культурной и социальной жизни империи, а их повседневное существование

было стеснено множеством юридических ограничений, низводивших их до статуса граждан второго сорта.

В 1879 г. царь Александр II еще уверенно восседал на престоле, но этот год ознаменовался драматическим поворотом и в судьбе российских евреев, и в борьбе против династии Романовых. В самом начале своего царствования, вслед за поражением России в Крымской войне, Александр II осуществил целый ряд важных реформ, включая отмену крепостного права в 1861 г. В 1850-е и 1860-е гг. были приняты законы, отчасти смягчившие давние административные ограничения, наложенные на российских евреев. Царь покончил с принудительным призывом малолетних евреев на военную службу, расширил право евреев на проживание ближе к границам Польши и Бессарабии, дал преуспевающим еврейским купцам новые возможности селиться в крупных российских городах и — по крайней мере, юридически — разрешил принимать на государственную службу по всей империи евреев с университетским дипломом.

Всех этих изменений оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить радикалов, а евреи по-прежнему оставались беззащитным и преследуемым меньшинством. 26 августа 1879 г. подпольное оппозиционное движение «Народная воля», ставившее своей целью насилиственное свержение монархии, провозгласило намерение убить царя. Уже в ноябре была предпринята попытка взорвать императорский поезд. Месяцем позже, 21 декабря, в отдаленном уголке Кавказа на свет появился Иосиф Виссарионович Джугашвили, который в годы революционной молодости выберет псевдоним Сталин.

Россию, в которой родился Лев, по-прежнему будоражил «еврейский вопрос». За семь месяцев до его рождения российские евреи были потрясены неожиданным

обострением. 5 марта 1879 г. в грузинском Кутаиси перед судом предстала группа евреев, обвиняемых в ритуальном убийстве крестьянской девочки. Она пропала в апреле 1878 г., в канун еврейской пасхи, а через два дня была найдена мертвой. По заключению судебного медика, девочка случайно утонула, но полицейские, убежденные в том, что сама дата исчезновения и странные раны на ее теле и руках указывают на преступление, арестовали девятерых евреев из близлежащей деревни. Процесс над ними был первым судом по обвинению в ритуальном убийстве на территории Российской империи за всю ее историю, и, хотя подсудимых в итоге оправдали, это дело привлекло к себе пристальное внимание общества, спровоцировав, помимо прочего, организованную кампанию в крайне правой печати, стремившейся придать правдоподобие версии обвинения.

Даже Федор Достоевский, прославившийся своим состраданием к униженным и оскорблённым, поддался масовой истерии вокруг Кутаисского дела. Он был настолько одержим евреями и «еврейским вопросом», что включил упоминание ритуального убийства в свой последний роман «Братья Карамазовы», который закончил в ноябре 1880 г., за несколько месяцев до смерти. Кроме того, Достоевский выступал с нападками на евреев, живущих как в России, так и в целом в Европе. По его мнению, именно евреи несли ответственность за пороки капитализма и угрозу социализма. Писатель пришел к выводу, что России не следует со снисхождением относиться к ее еврейскому меньшинству.

Давиду Бронштейну не могли помешать ни отдельные вспышки антисемитизма, ни общая подозрительность в отношении евреев. Он проявил замечательную предприимчивость, сначала выкупив хутор под названием Яновка

у его предыдущего владельца, а затем постепенно расширяя свои угодья путем приобретения новых участков или аренды их через подставных лиц после того, как в 1881 г. были ужесточены ограничения на право евреев владеть землей. Яновка была отдаленным хутором, располагавшимся почти в 25 километрах от ближайшего почтового отделения и в 35 километрах от железнодорожной станции. В какой-то момент под управлением Бронштейна находилось почти 1200 гектаров. Ему принадлежали стада коров и овец, ветряная мельница и гумно; он выполнял молотьбу и помол зерна для множества местных крестьян. Кроме того, он владел кирпичным заводиком, и изготавливаемые там кирпичи украшало его именное клеймо. Даже в наши дни в Яновке и окрестностях можно найти здания, на стенах которых читается слово «Бронштейн». Троцкий с грустью вспоминал, как тяжело работал его отец, чтобы добиться благосостояния: «Неутомимым, жестоким, беспощадным к себе и к другим трудом первоначального накопления отец мой поднимался вверх». Но сосредоточенность родителей на работе отражалась на эмоциональном состоянии их детей: «Земля, скот, птица, мельница требовали всего внимания без остатка. Времена года сменяли друг друга, и волны земледельческого труда перекатывались через семейные привязанности. В семье не было нежности, особенно в более отдаленные годы».

Давид был неграмотен, и Троцкий вспоминал, что его родители говорили «неправильно, на смеси русского и украинского языков», из-за чего Лев поначалу испытывал трудности в школе. По словам Троцкого, они не говорили на «жаргоне» (то есть на идише), хотя 97% российских евреев в то время считали своим родным языком именно идиш.

Эта часть Украины все равно была гораздо более европейской, чем могло показаться поверхностному наблюдателю

и чем позднее был готов признавать Троцкий. В своих воспоминаниях он пишет, что там имелось «около сорока еврейских земледельческих колоний с населением около 25 000 душ». По словам Троцкого, его отец любил во всеуслышание заявлять о своем атеизме и иногда даже насмехался над религией. Мать Троцкого, хотя и не соблюдавшая традиционных обрядов, предпочитала по субботам воздерживаться от шитья или другой мелкой работы, а также от поездок в город, где ее могли увидеть другие евреи. Троцкий не говорит об этом прямо, но на соседних хуторах и в городе должно было жить довольно много евреев, раз его мать чувствовала подобное стеснение. Пока дети были маленькими, супруги Бронштейн ездили по праздникам в расположенную неподалеку синагогу. Но по мере того, как благосостояние семьи росло, а дети становились старше, их религиозность ослабевала.

Когда Льву исполнилось семь лет, родители отправили его в соседнюю колонию Громоклей, где он поселился у родственников — дяди Абрама и тети Рахили. Там он пошел в свою первую школу — еврейский *хедер*. Он изучал арифметику и научился читать по-русски; ожидалось, что он будет читать Библию на древнееврейском, а затем переводить отрывки из нее на идиш. «Среди школьников я ни с кем не успел сблизиться, — вспоминал он, — так как не говорил на жаргоне».

Увидев кусочек большого мира, он познакомился с реальностью более суровой, чем та, которая была ему привычна в родном доме. Громоклей был расположен среди других еврейских и немецких поселений. Однажды Лев стал свидетелем того, как толпа с проклятиями прогнала из еврейской колонии молодую женщину, которую подозревали в распущенности. «Эта библейская сцена

запомнилась навсегда», — позднее писал он (через несколько лет его дядя Абрам женится на этой самой женщине). Лев заметил, что дома евреев представляют собой разоренные избушки с ободранными крышами и тощими коровами, тогда как соседние немецкие поселения были чисты и благоустроены. Эксперимент с местной школой закончился неудачей: не прошло и трех месяцев, как Лев вернулся домой. Очевидно, двойственное отношение его родителей к иудаизму не позволило Льву проникнуться за время учебы в хедере религиозным чувством.

Тем не менее Лев был смышленым ребенком и стремился к знаниям. Вернувшись домой, он принялся читать все книги, которые попадались ему под руку, выписывая целые абзацы из них в свой блокнот. Еще он помогал отцу вести бухгалтерию, демонстрируя при этом талант к обращению с цифрами, благодаря которому его жизнь могла бы пойти по совсем иной дороге, чем та, что готовила для него судьба. Проводя все время на хуторе и поблизости от него, он знакомился с сельским хозяйством и с крестьянами. Особенно его очаровал один из работников — машинист Иван Гребень. Гребень показывал Льву инструменты и объяснял, как работает техника. Кроме того, Гребень пользовался уважением у родителей Льва, которые приглашали своего машиниста обедать и ужинать за семейным столом. В воспоминаниях Троцкий подчеркивал, что в раннем детстве Иван Гребень был для него важнейшей фигурой. Возможно, Троцкий был искренен, но у нас невольно возникает вопрос, не было ли ему выгодно поместить в центр своего воспитания рабочего человека, притом что в остальном его семья характеризовалась мелкобуржуазными ценностями, а его отец, по мнению самого Троцкого, был способен эксплуатировать как рабочих, так и крестьян.

Жизнь Льва изменила свое течение в 1887 г., когда к ним в гости на лето приехал его старший двоюродный брат (племянник матери) Моисей Шпенцер. Шпенцер жил в Одессе. Хотя из-за какого-то незначительного политического проступка ему не дали поступить в университет, он сводил концы с концами, зарабатывая журналистикой и сбором статистики. Его жена, Фанни, работала начальницей казенного училища для еврейских девочек. Лев и Шпенцер быстро сошлись. Не по годам развитой мальчик, которому только в октябре должно было исполниться девять лет, видимо, произвел на Шпенцера впечатление, и тот предложил, чтобы Лев переехал в Одессу, где он смог бы продолжить свое образование под их с женой присмотром. Весной 1888 г., преодолев на поезде и пароходе более 300 километров, Лев прибыл в Одессу.

Стараниями Шпенцеров неотесанный мальчик превратился в изысканного и хорошо образованного молодого человека. Моня, как называл его Лев, учил его, «как держать стаканы, и как умываться, и как правильно произносить разные слова». Лев стал обращать внимание на свой внешний вид, на всю жизнь усвоив привычку хорошо одеваться. Уже в то время он постепенно обретал тот поразительный образ, который станет известным всему миру: высокий лоб под густой, вьющейся черной шевелюрой и голубые глаза, смотрящие сквозь пенсне. Шпенцеры беспокоились, что молодой Лев слишком много времени уделяет учебе. «Я стал читать запоем. На прогулку меня приходилось отрывать», — вспоминал Троцкий тот период своей жизни. Льву нравилось укачивать новорожденную дочку Шпенцеров. Когда она чуть подросла, именно Лев «заметил ее первую улыбку... научил ее ходить и читать» (эта девочка под именем Вера Инбер впоследствии стала знаменитой советской

поэтессой)*. Нью-йоркский радикальный журналист Макс Истмен, подружившийся с Троцким в 1920-е гг., встречался со Шпенцерами. По его мнению, это были «добрьи, спокойные, уравновешенные и интеллигентные люди».

Поначалу жизнь у Шпенцеров была весьма скромной. Четыре года Лев спал в углу столовой, за занавеской. Но все в их доме было пропитано страстью к литературе, а атмосфера космополитичного города питала его любопытство и воображение. Шпенцеры помогли ему с русским языком, познакомили с классической русской и европейской литературой (ему особенно нравилось читать Диккенса) и не боялись держать на полках запрещенные книги, такие как «Власть тьмы» Льва Толстого, которая только что попала под запрет царской цензуры; Лев услышал, как в семье обсуждают толстовскую пьесу, а потом сам ее прочитал.

Что касалось политики, в доме Шпенцеров «режимом были недовольны, но считали его незыблемым. Самые смелые мечтали о конституции через несколько десятков лет». У самого Шпенцера, как вспоминал Троцкий, были умеренно либеральные взгляды, «туманно-социалистические симпатии, народнически и толстовски окрашенные». В присутствии Льва взрослые вели себя осторожно и избегали политических разговоров, опасаясь, «как бы я не сказал чего лишнего товарищам и как бы не накликать беды». По тем же причинам они

* В 1920-е гг. Инбер, как и многие другие писатели и поэты, печатала произведения с восхвалениями Троцкого. Но после изгнания Троцкого из страны она была вынуждена отречься от него и прочих деятелей оппозиции и даже выступить с требованием их расстрела. — Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

не позволяли ему читать газеты, надеясь оградить его от радикальных идей.

Именно в Одессе на пути Льва встал официальный антисемитизм. В 1887 г. в рамках более широкого набора ограничений, наложенных на евреев после убийства Александра II, новый правительственный указ установил жесткие процентные нормы для евреев, поступавших в средние учебные заведения. В зависимости от обстоятельств доля евреев могла быть ограничена 10% от общего числа учеников. Это правило напрямую затронуло Льва. Будучи евреем, для поступления в реальное училище Святого Павла — школу, выбранную для него Шпенцерами, — он должен был пройти строгий экзамен. Но ему помешали возраст (он был на год младше остальных учеников его класса) и отсутствие формального образования. Экзамен Лев провалил, и ему пришлось провести целый год в подготовительном классе.

Возможно, это был первый случай, когда Лев столкнулся с предрассудками из-за своего еврейского происхождения. Но, как и в родительском доме, у него не возникло эмоциональной — не говоря уже о духовной или религиозной — привязанности к еврейству. По замечанию Истмена, «это не было тем, что он впитал с молоком матери», поэтому этот эпизод официальной антисемитской дискриминации не укрепил в нем остаточную преданность еврейству, основанную на осознании своей принадлежности к одной из самых угнетаемых групп населения империи. Троцкий был искренен, когда писал в «Моей жизни»: «Национальное неравноправие послужило, вероятно, одним из подспудных толчков к недовольству существующим строем, но этот мотив совершенно растворялся в других явлениях общественной несправедливости и не играл не только основной,

но и вообще самостоятельной роли»*. Другие социалисты-евреи его поколения вспоминали свои детские годы иначе. И Юлий Мартов, и Павел Аксельрод, ставшие близкими соратниками Троцкого во время его первого пребывания в Лондоне, в своих воспоминаниях делали акцент на антиеврейской ненависти и дискриминации, с которыми они постоянно сталкивались. Мартов, в частности, навсегда запомнил ужас, пережитый им в детстве во время одесского погрома в мае 1881 г. Для Льва же неуместные ссылки на его происхождение были «всего лишь еще одним проявлением грубости». Исходя из своего опыта дружбы с Троцким, Истмен подчеркивал, что все инциденты подобного рода «не оставили никаких следов... в его понимании самого себя». С ранних лет Троцкий привык считать факт своего рождения и воспитания в европейской семье простой случайностью. Порвав связи с родителями, он окончательно отдалился от своих еврейских корней. Он не видел в своей принадлежности к еврейству никакого позитивного содержания.

Хотя реальное училище Святого Павла было основано немцами-лютеранами, оно не было конфессионально однородным и принимало самых разных учащихся. «Прямой национальной травли в училище не было», — вспоминал Троцкий; детям преподавали религию в соответствии с верой их родителей. «Добродушный человек по фамилии Цигельман преподавал евреям-ученикам на русском языке Библию и историю еврейского народа», — писал Троцкий. Но «этих занятий никто не брал всерьез». Отец Льва тем не менее хотел, чтобы тот изучал Библию

* Троцкий предпочитает тут расплывчатый эвфемизм — «национальное неравноправие», вместо того чтобы прямо указать на антисемитские предрассудки властей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru